УДК 94(57) «19/20»
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-8-102-111

Инородческий дискурс в словаре власти и науки в период революции и социалистических преобразований в Сибири (1917–1930-е годы)

А. Ю. Конев

*Тюменский научный центр СО РАН
Тюмень, Россия*

Аннотация

Изучение процесса замены в Советской России и СССР терминологии, применявшейся в отношении сибирских народов в Российской империи, важно для понимания особенностей социалистического строительства в так называемых «национальных окраинах». Соционим «инородцы» не сразу уступил место лексике советской национальной политики. Это обуславливалось помимо прочего: сохранением в первые послереволюционные годы таких институтов, как инородные управы и ясак; политическими условиями затянувшегося здесь гражданского противостояния; самоидентификацией автохтонов посредством категорий дореволюционной социальной стратификации; связью инородческого дискурса с актуальной для исследователей областью исторического опыта. Радикальное переосмысление этого опыта и формирование образа социалистического будущего «коренных народов» имели следствием замещение новыми дефинициями термина «инородцы» и «изгнание» его в начале 1930-х гг. из языкового обихода.

Ключевые слова

инородцы, коренные народы, история понятий, национальная политика, Советская власть

Благодарности

Работа выполнена по госзаданию (проект № АААА-А17-117050400150-2)

Для цитирования

Конев А. Ю. Инородческий дискурс в словаре власти и науки в период революции и социалистических преобразований в Сибири (1917–1930-е годы) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 8: История. С. 102–111. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-8-102-111

Aliens' Discourse in the Vocabulary of Authority and Science During the Period of Revolution and Socialist Transformations in Siberia (1917–1930s)

A. Yu. Konev

*Tyumen Scientific Center SB RAS
Tyumen, Russian Federation*

Abstract

The evolution of terminology for describing Siberian ethnicities in Soviet Russia and the USSR, and Russian Empire has recently become the subject of research interest for historians. Studying this subject is important for understanding the features of socialist construction in so-called *national outskirts*. This article focuses on the term “*inorodtsy*” (*aliens*). Analysis of sources showed that the language for describing the autochthonous population was rather conservative and was changing considerably slower than political transformations appeared. Former names for social groups were not immediately replaced by new emerging concepts. Challenging the new Soviet political vocabulary, the term *aliens* was still actively used until the late 1920s due to the following reasons. First of all, such institutions

© А. Ю. Конев, 2019

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 8: История
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019, vol. 18, no. 8: History

of the Imperial Russia as *inorodtsy* local governments and *yasak* were still functioning during the first years after the revolution. Second, political environment of protracted civil confrontation in the region. Third, the self-identification of the indigenous ethnicities by the means of imperial categories of social stratification (*yasak aliens*) which the peoples used to justify their special case in post-revolutionary Russia. The usage of this terminology in scientific and popular literature was also caused by the *aliens' discourse* being associated with the field of historical experience relevant for the researchers. Ideology trends aimed at radically rethinking this experience and creating an image of socialist future for the indigenous ethnicities, hence the term *inorodtsy* was replaced with new definitions, and moreover it was banished from the language in the early 1930s.

Keywords

aliens (*inorodtsy*), indigenous peoples, history of concepts, national policy, Soviet power

Acknowledgements

The work is done in accordance with the state assignment (project no. AAAA-A17-117050400150-2)

For citation

Konev A. Yu. Aliens' Discourse in the Vocabulary of Authority and Science during the Period of Revolution and Socialist Transformations in Siberia (1917–1930s). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 8: History, p. 102–111. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-8-102-111

Инородческий дискурс как язык / способ описания включавшихся в орбиту Руси / России «иных», «чужих» народов посредством соответствующих лексем возник еще до законодательческой и кодификационной деятельности М. М. Сперанского, в результате которой термин *инородцы* стал означать особую социально-правовую категорию, включавшую различные разряды и этнословесные группы нерусского населения на восточной периферии империи. В XVII–XVIII вв. для обозначения автохтонов Сибири использовались такие обобщающие термины, как *иноземцы*, *туземцы*, *иноверцы* и производные от них словосочетания [Конеv, 2014; Зуев, Игнаткин, 2016]. Эта терминология отражала особенности положения соответствующей части подданных, отношение государства к населению окраин и связь автохтонов с территорией их обитания. В склонности имперских, а затем и советских россиян описывать коренных жителей Сибири посредством обобщающих категорий, согласно Ю. Л. Слэзкину, заключается особый способ восприятия и конструирования «чуждости», одновременно говорящий и о «восприятии россиянами самих себя» [2008. С. 7–8].

Исследованиями, положившими начало специальному изучению обобщающих терминов, применявшихся для номинации нерусских народов в Российской империи и СССР, стали работы С. В. Соколовского [1998] и Дж. У. Слокума [Slocum, 1998]. Авторы сошлись во мнении, что термин «инородцы» был изъят из официального употребления в самые первые годы Советской власти. При этом российский антрополог подметил, что придумать язык, «одновременно понятный народу и новый, рвущий нити... связей с ненавистным прошлым, было чрезвычайно трудно». Задача решалась сочетанием партийного жаргона с отобранными по идеологическому принципу старыми терминами. Спешная замена, в том числе и в научной литературе, «инородцев» на «туземцев» после Октябрьской революции объяснялась политической некорректностью, а также негативными коннотациями, которые слово из имперского прошлого – «инородцы» приобрело в общественно-политическом языке еще к началу XX в. [Соколовский, 1998. С. 79, 82–83]. В. О. Бобровников, согласившись в целом с выводами С. В. Соколовского, обоснованно предположил, что «инородческий» дискурс продолжал оказывать влияние на советские проекты по нациестроительству даже после отказа от использования термина «инородцы» в официальном языке [2012. С. 286–291]. Е. П. Мартынова, пожалуй, первой обратила внимание на то, что в сибиреведческих работах этнографического характера 1920-х гг. слово «инородцы» продолжало употребляться, хотя революционные перемены политического характера «не могли не сказаться на позиции исследователей» [2012. С. 15].

Следует признать, что исчерпывающего ответа на вопрос о том, как шел процесс замены в Советской России и СССР имперской классификационной терминологии, применявшейся в отношении нерусских народов Сибири, в отечественной и зарубежной литературе пока не дано. Изучение этого процесса на материалах Западной Сибири, чему посвящена настоящая статья, важно для понимания начальных этапов социалистического строительства в так

называемых «национальных окраинах». При этом можно оценить степень устойчивости и адекватности выработанных в XVIII–XIX вв. в российском законодательстве и управленческой практике лексем, означавших социально-правовые статусы и этнокультурные особенности соответствующих групп населения империи. С учетом того, что советская судьба термина «туземцы» в литературе рассмотрена более подробно, внимание будет сфокусировано на термине «инородцы».

На наш взгляд, целесообразно несколько изменить исследовательскую оптику, переходя от декретов и распоряжений центра к изучению материалов обсуждений и решений местных властей и институтов самоуправления. Следует анализировать тексты не только специальных этнографических трудов, но и работ историков, языковедов, географов, экономистов 1920–1930-х гг., выпущенных тогда справочных изданий, в частности статьи первых советских энциклопедий.

Кратко обращаясь к истории термина «инородцы», отметим, что, появившись в V части Словаря Академии Российской [1794. Ст. 37], он вошел в политико-правовую лексику империи только с принятием «Устава об управлении инородцев» 1822 г. и в дальнейшем имел устойчивую тенденцию к расширению своего влияния. «Положение об инородцах» 1892 г. распространилось почти на всех нерусских (из числа индигенных) жителей не только Сибири, но и Европейского Севера, Урало-Поволжья, Кавказа и Средней Азии. П. Луппов, указывая число «инородческих детей» в церковных школах империи на 1899 г., перечислил все заметные группы нерусских подданных, включая даже немцев, поляков, литвинов, китайцев, эстов, чехов [Труды Особого совещания..., 1905. С. 255–257], которые законодательством в число инородцев никогда не включались. Такое, выходящее за рамки правовой категории, употребление интересующего нас термина закрепляется к началу XX в., особенно в публицистической литературе, иногда приобретая уничижительный, обидный оттенок. Тогда же начинают раздаваться критические голоса о пригодности соответствующих классификаций в российском законодательстве. В частности, об этом писал Л. Я. Штернберг в 1910 г., отметив двоякий, политический и технико-юридический смысл обозначения «инородцы» [1910. С. 531–532]. В официальном и академическом языке этого времени конкурирующим термину «инородцы» было слово «туземцы». В XIX – начале XX в. термин «инородцы» чаще использовался применительно к автохтонам Сибири и Дальнего Востока. Это фиксирует и Вл. Даль в своем словаре. При этом он четко определяет нюансы значения слов «туземец» («тамошний уроженец, природный житель страны») [1882. С. 441] и «инородец» («уроженец другого племени или народа») [1881. С. 46].

Формально сословно-правовая категория «инородцы», в ряду прочих, была упразднена «Декретом об уничтожении сословий и гражданских чинов» от 11 (24) ноября 1917 г. [Декреты Советской власти, 1957. С. 72]. Но это не могло отменить того факта, что новая власть продолжала иметь дело со сложившимися социальными группами и административно-территориальными структурами, соответствующими им идентичностями и представлениями, не исчерпавшими себя окончательно. 14 августа 1919 г., во время разворачивавшегося наступления на Восточном фронте, ВЦИК и СНК РСФСР выступили с «Обращением» к «рабочим, крестьянам, инородческому населению и трудовому казачеству Сибири», пытаясь заручиться их поддержкой. Объявляя адмирала Колчака и его правительство «вне закона», «Обращение» подтверждало действие «Декларации прав народов России» в отношении инородческого населения региона и заявляло, что «земли фактического пользования инородцев... поступают в полное их общественное распоряжение» [Декреты Советской власти, 1973. С. 29–30]. Еще один примечательный факт. В начале 1921 г. информационно-инструкторским отделом Петроградского губисполкома был подготовлен и опубликован указатель к законоположениям, изданным с октября 1917 г. – «Иностранцы и инородцы» [1921]. Таким образом, термин «инородцы» и производные от него определения не были «выброшены» и не «исчезли» вскоре после революции из официального языка, как это принято думать [Соколовский, 1998. С. 79, 83; Slocum, 1998. P. 190]. Более того, они получили своеобразную «временную прописку» в политико-правовом пространстве Советской России, хотя эта легитимация и была

вынужденной. При этом под «инородцами» понимались нерусские народы бывшей империи, освобожденные Советской властью от «угнетения».

Наиболее насыщенными «инородческой» лексикой были документы, исходившие от местных органов власти, самоуправления и их представителей. Обращает на себя внимание контекст, в котором она употребляется. Томский губисполком, возражая против идеи национального самоуправления, в начале 1920-х гг. полагал, что выделение Нарымского края «в автономную инородческую область с Тобольским Севером обрекает этот край на долгое время оставаться безлюдным и живущим за счет государства» [Слѣзкин, 2008. С. 163]. Инструктор-организатор Тюменского губвоенревкома С. С. Гимгин в марте 1920 г., констатируя невозможность избрания сельских советов в волостях Березовского уезда, объясняет это кочевой жизнью «инородцев» и неподготовленностью «совершенно отсталого инородческого населения» [Судьбы народов Обь-Иртышского Севера, 1994. С. 60]. В докладе заведующего финотделом Тюменского губисполкома Э. Матча выражено сожаление, что «самоеды и другие инородцы и их промыслы настолько не обследованы и так мало привлекали внимание... что совершенно не представляется возможным внести какие-либо пожелания в смысле улучшения указанных сторон жизни инородцев» [Там же. С. 63]. Инструктор Березовского укома РКП(б) И. Кузьмин, командированный в октябре 1921 г. в Казымскую волость, сообщал, что население волости «состоит исключительно из инородцев», и из частных бесед он убедился, насколько оно отсталое: «во всем царит совершенное невежество... все пахнет тем же старым царским духом». Для них, отмечает И. Кузьмин, «не существует никаких законов и приказов, у них свои обряды, которые трудно искоренить» [Там же. С. 69]. Аналогичными суждениями полпредов революции изобилуют источники, касающиеся автохтонного населения восточных районов Сибири. Ю. Л. Слѣзкин связывает резкость подобных оценок с назначением на губернские и уездные административные посты приезжих коммунистов из южных районов Сибири и Европейской России [2008. С. 160]. Характерно явное и неявное соотнесение маркеров «инородцы» / «инородческий» с определениями «отсталые» и «невежественные». В этом смысле язык процитированных советских функционеров мало чем отличался от бюрократического языка описания автохтонного населения конца XVIII – XIX в., с той разницей, что синонимом отсталости и косности теперь стала сама «царская Россия». Такая соотнесенность и активное употребление старорежимного словарного запаса рано или поздно должны были вызвать соответствующую реакцию. Одним из первых по данному поводу высказался заведующий отделом нацменьшинств Наркомнаца А. Е. Скачко. В 1923 г. в своем докладе он, в частности, указал, что «в отчетах фигурирует термин “инородец”. Для местного населения туземец не человек, а “лесной зверь”, самой природой предназначенный для эксплуатации» (цит. по: [Алексеева, 2004. С. 96]).

Следует отметить, что в первые послереволюционные годы во многих частях Сибири оставались неупраздненными такие институты Российской империи как инородные управы / родовые управления и ясак. Быстро ликвидировать их не представлялось возможным и в условиях Гражданской войны, и на этапе восстановления власти большевиков в районах, оставленных Белой армией. К тому же в феврале-июле 1921 г. Тюменская и Омская губернии были охвачены крупнейшим антибольшевистским вооруженным мятежом (Западно-Сибирское восстание). В 1920 г. на Обском Севере вместо инородческого управления был создан инородческий отдел при исполкоме [Судьбы народов Обь-Иртышского Севера, 1994. С. 63], а в январе 1921 г. собранием ненцев и хантов Обдорской волости решено «восстановить инородческий суд» [Там же. С. 65]. Создание инородческих отделов и подотделов больше походило не на ликвидацию, а на реорганизацию бывших управ. Вот как характеризуется деятельность такого подотдела в Обдорском районе в докладе райисполкома от 15 октября 1924 г.: «Инородческий подотдел является связующим звеном между инородцем-кочевником и административными органами власти... разрешает спорные вопросы, возникающие среди кочевого населения... через старшин, выбираемых общим собранием кочующих родов, проводит распоряжения власти, касающиеся инородческого быта... несет ответственную работу по сбору сельскохозяйственного налога – ясака» [Там же. С. 84]. Приведенный отрывок ин-

интересен тем, что в отличие от выше цитированных сообщений местных партийных и административных чиновников он являет собой пример своеобразной бюрократической деконструкции стереотипа об «инородцах» и включения этого понятия в контекст советских преобразований на Севере, что можно рассматривать как еще один способ легитимации соответствующей дореволюционной терминологии.

И все же положение автохтонов Сибири и Дальнего Востока с момента Октябрьской революции и до середины 1920-х гг. оставалось юридически неопределенным. Не случайно сотрудник Комитета Севера Н. И. Леонов отметил, что утвержденное ВЦИК в 1926 г. «Временное положение об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР» явилось на смену «Уставу 1822 года об инородцах» [1929. С. 224]. Е. В. Перевалова подчеркнула, что этот законодательный акт «впервые выделил такую категорию населения, как «малые народы Севера (племена)», являющуюся объектом особой политики» [2017. С. 227]. Реализация этого «Положения», на наш взгляд, положила начало решительному повороту в сторону отказа от классификационной терминологии, связанной со словом «инородцы», применительно к индигенному населению Сибири. В конце 1920-х гг. его представители в документах, исходявших от местных органов власти (не говоря о центральных), чаще всего именовались «туземцами», а также «малыми народностями» и «нацменами». Использование термина «инородцы» стало редким и нехарактерным, хотя никаких прямых директивных указаний на предмет его ограничения не выявлено.

Важно выяснить, а как сами «коренные» жители определяли свой социально-правовой статус в новых условиях. Источники позволяют, если не напрямую, то опосредованно услышать их голос. Вот несколько примеров. Выписку из протокола съезда ватажных старшин Обдорского района от 3 февраля 1922 г. подписали «инородческие старшины Василий Тайшин и Никифор Вануйто» [Судьбы народов Обь-Иртышского Севера, 1994. С. 71–72]. Выступая в 1924 г. на 3-й сессии окрисполкома старшина В. И. Тайшин, говоря о советской торговле на Севере, отметил, что она «сначала привлекла бедного инородца, а потом оттолкнула» (цит. по: [Перевалова, 2017. С. 224]). Протокол общего собрания ненцев местности Хадытта от 26 апреля 1927 г. содержит следующую фразу его участников по вопросу записи актов гражданского состояния, зафиксированную как прямая речь: «Мы, инородцы местности Хадытта, все, как один, против внедрения в тундру ЗАГСа...». При этом указано, что собрание проводилось «под председательством инородца Хар-Тэтта» [Судьбы народов Обь-Иртышского Севера, 1994. С. 125, 128]. Сотрудник Томского краевого музея П. Г. Иванов, по результатам проведенного им в 1927 г. этнографо-лингвистического обследования чулымских татар (карагасов), отметил, что «сами себя они большей частью называют ясачными. Кроме того, одни из них называют себя оседлыми, другие – кочующими инородцами» [1927. С. 98]. В это же время на общем собрании остяки юрт Иготкиных и Теголовых Колпашевского района Томского округа заявили, что хотят отделиться от крестьянского сельского совета и «желают самостоятельно свой с/с как инародцы¹» [Леонов, 1929. С. 232]. Последний пример весьма показателен и отнюдь не единичен, когда представители туземных сообществ для обоснования прав на самоуправление или какие-то привилегии апеллировали к своему прежнему статусу.

Немаловажную роль в формировании языка описания нерусских народов края сыграли ученые: историки, этнографы, лингвисты, географы, экономисты. С. В. Соколовский полагает, что «едва ли не последней публикацией с “инородческой” терминологией» была работа И. Серебренникова, изданная в 1917 г., и что «в последующих научных трудах “туземцы” решительно потеснили “инородцев”» [Соколовский, 1998. С. 79]. Но более пристальное знакомство с научной и научно-популярной литературой рассматриваемого нами периода позволило выявить целый ряд работ, в которых активно используется интересующее нас понятие. В их числе труды известного историка, профессора Иркутского и Дальневосточного университетов В. И. Огородникова, изданные в 1919–1924 гг. [1920; 1924. С. 5], опублико-

¹ Сохранена орфография текста протокола этого собрания.

ванное в 1921 г. исследование фольклориста и историка, профессора Томского университета А. Д. Григорьева, наконец, знаменитый исторический очерк С. В. Бахрушина «Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 года», увидевший свет в 1929 г., в котором он задействовал практически весь арсенал интересующего нас инородческого дискурса, включая такие термины, как «иноземцы», «ясачные», «инородцы». Особого внимания заслуживают статьи в кн. 6 сборника «Культура и письменность Востока», вышедшего в 1930 г.

Анализ использования термина «инородцы» в этих, отражающих тенденции своего времени, работах привел к следующим выводам. До середины 1920-х гг. исследователи (например, В. И. Огородников и А. Д. Григорьев), в соответствии с дореволюционной традицией конца XIX – начала XX в., применяют его как основное обобщающее название индигенных обитателей вне зависимости от временного периода, будь то начальный этап русской колонизации Сибири или XVIII–XIX вв. Ни в названиях публикаций, ни в самих текстах слово *инородцы* и производные от него не берутся в кавычки и не несут какой-либо негативной или ярко выраженной оценочной коннотации. В работе А. Д. Григорьева соотношение терминов *инородцы* / *инородческое население* и термина *туземцы* имеет подавляющий перевес в пользу первых, что нашло отражение в пристатейном «Указателе мест и лиц» [1921. С. 93, 106]. В. И. Огородников в «Очерках истории Сибири до начала XIX столетия», в отличие от ранее изданных им статей, отходит от «инородческой» лексики, употребив ее только в предисловии [1924. С. 5], и далее в тексте использует в основном слово *туземцы*. С. В. Бахрушин в своем историческом очерке [1929] совершенно определенным образом расставил акценты при номинации сибирских автохтонов. Этот очерк отличается критической заостренностью в оценке форм и методов колониального подчинения народов Сибири Русской державе. В качестве основных терминов для их обозначения были выбраны: *туземцы*, *туземное население*, которые используются без кавычек. При этом С. В. Бахрушин учитывал лексику первоисточников в ее исторической динамике, вводя изредка в текст повествования слова *иноземцы* и *иноверцы*, когда речь шла о периоде XVII–XVIII вв. Переходя к анализу российской политики XIX – начала XX в., он часто использует термин «инородцы», обязательно заключая его в кавычки [Там же. С. 85–97]. Характеризуя судьбы «инородческого» / туземного населения в до- и предреволюционной России, историк подчеркивает его неполноправное положение, утрату им «племенной самостоятельности и культурной самобытности», сокращение его численности [Там же. С. 96]. Аналогичная линия, в еще более жесткой форме, прослеживается в упомянутом выше сборнике «Культура и письменность Востока», посвященном языкам и вопросу латинизации алфавита тюркских и славянских народов СССР. В качестве примера приведем статью И. Левина с характерным названием «Материалы к политике царизма в области письменности “инородцев”». Обращает на себя внимание крайне политизированная риторика автора: «Для того чтобы упрочить свое господство в “инородческих” окраинах, царизму нужно было глубоко внедрить казенную русскую идеологию в жизнь “инородцев”, вытравить сознание национальной специфичности» [1930. С. 3].

Таким образом, в научной литературе во второй половине 1920-х гг. идет не просто замена «инородческой» терминологии новым языком, формирующимся под влиянием идеологических установок и реформ Советской власти, определявших настоящее и будущее малых / коренных народов / племен. Происходит целенаправленная дискредитация понятия «инородцы», актуализация его негативных коннотаций. Из относительно нейтрального оно превращается в инструмент разоблачения политики «национального угнетения» прошедшей эпохи. Тем не менее на этом этапе историки не отказались окончательно от применения соответствующих терминов, учитывая их адекватность языковым реалиям XIX – начала XX в.

Своеобразная черта этому процессу была подведена в статье «Инородцы», опубликованной во втором томе Сибирской Советской Энциклопедии в 1931 г. В ней определялись два значения этого термина. Первое, в узком смысле, «принадлежность к определенному сословию, приравненному к крестьянскому, но отличному от последнего в некоторых отношениях». Второе, более широкое, «этнографический термин для обозначения многочисленных коренных народностей окраин» [Инородцы, 1931. Ст. 267]. В этих значениях данный термин

продолжал использоваться, как мы видели, в первые полтора десятилетия после Октябрьской революции в официальном языке, в научной и публицистической литературе. Но наибольший интерес представляет заключительный абзац названной статьи: «Термин И.[нородцы], отражавший угнетенное положение туземцев, в настоящее время является архаизмом. Вот почему с установлением сов.[етской] власти в Сиб.[ири] и в процессе форсированной ликвидации доставшегося от прошлого фактического культурно-экономического неравенства различных т.[ак] наз.[ываемых] “отсталых” народностей, термин “инородец” совершенно изгнан из обихода, как остаток бывшего угнетения, и заменяется получившим всеобщее признание новым термином “коренных местных народностей”» [Инородцы, 1931. Ст. 269]. Данная формулировка в такого рода издании фактически выносила «приговор» и ставила своеобразную точку (оказавшейся все-таки запятой) в судьбе термина «инородцы».

Подводя итог, важно отметить следующее. Доставшиеся Советской России в наследство от предшествующих периодов истории Российского государства классифицирующие термины, использовавшиеся для идентификации индигенного населения Сибири, не могли быть немедленно заменены в силу целого ряда причин. Консервации и легитимации терминов, связанных с понятием «инородцы», способствовали: политическая обстановка – Гражданская война и антибольшевистское восстание в Сибири начала 1920-х гг.; сохранявшиеся институты самоуправления в виде инородных и родовых управ, практика сбора ясака; устоявшаяся самоидентификация автохтонов посредством категорий имперской социальной стратификации, которые использовались ими для обоснования своего особого положения в новой России. Можно констатировать, что до середины 1920-х гг. имели место конкуренция и взаимовлияние «старого» и «нового» языков описания автохтонных социумов. В этом находили отражение особенности начальных этапов советской модернизации и формирующейся национальной политики, проявлялись стереотипы мышления о «коренных» и «малых» народах. Для исследователей, прежде всего историков, этнографов и лингвистов, этого периода важное значение имела связь инородческого дискурса с реалиями исторического прошлого. Идеологически обусловленное переосмысление этого прошлого, требование его резкой критики и формирование на этой основе образа будущего «угнетенных царизмом» народов, четко обозначившееся к началу 1930-х гг., не оставляло места для термина «инородцы» в языке власти и науки.

Список литературы

- Алексеева Л. В.** Северо-Западная Сибирь в 1917–1941 гг.: политическая, экономическая и культурная трансформация: Дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2004. 427 с.
- Бахрушин С. В.** Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 года // Советский Север. Первый сборник статей. М., 1929. С. 66–97.
- Бобровников В. О.** Что вышло из проектов создания в России инородцев? (ответ Джону Слокуму из мусульманских окраин империи) // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. М., 2012. Т. 2. С. 259–291.
- Григорьев А. Д.** Устройство и заселение Московского тракта в Сибири с точки зрения изучения русских говоров // Изв. Ин-та исследования Сибири. Томск: Изд. Томск. губернт. отд-ния Гос. изд-ва, 1921. № 6. 117 с.
- Даль В.** Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб.; М.: Изд. М. О. Вольфа, 1881. Т. 2. 779 с.; 1882. Т. 4. 683 с.
- Зуев А. С., Игнаткин П. С.** «Иноземцы» – «свои» и «иные»: понятийно-терминологическая классификация социально-политического статуса сибирских аборигенов в Московском государстве (конец XVI – начало XVIII века) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, № 8. С. 67–85.
- Иванов П. Г.** Томские татары (материалы по обследованию Томских карагасов летом 1927 г.) // Тр. Общества изучения Томского края. Томск, 1927. Вып. 1. С. 92–104.
- Инородцы // Сибирская Советская Энциклопедия. Новосибирск, 1931. Т. 2. Ст. 267–269.

- Конев А. Ю.** Колониальный дискурс имперских классификаций: историки о термине «иноземцы» в отношении народов Сибири // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 6 (44), ч. 1. С. 81–86.
- Левин И.** Материалы к политике царизма в области письменности «инородцев» // Культура и письменность Востока. Баку, 1930. Кн. 6. С. 3–19.
- Леонов Н. И.** Туземные советы в тайге и тундрах // Советский Север. Первый сборник статей. М., 1929. С. 219–258.
- Мартынова Е. П.** Народы Северо-Западной Сибири: дефиниции и научно-политический дискурс // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 13–19.
- Огородников В. И.** Русская государственная власть и сибирские инородцы в XVI–XVIII вв. // Сборник трудов профессоров и преподавателей Государственного Иркутского университета. Иркутск, 1920. Вып. 1. С. 16–27.
- Огородников В. И.** Очерк истории Сибири до начала XIX столетия. Владивосток: Тип. Гос. Дальневост. ун-та, 1924. Ч. 2, вып. 1. 108 с.
- Перевалова Е. В.** Обские угры и ненцы Западной Сибири: этничность и власть: Дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2017. Т. 1. 515 с.
- Слёзкин Ю.** Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М.: Новое лит. обозрение, 2008. 512 с.
- Соколовский С. В.** Понятие «коренной народ» в российской науке, политике и законодательстве // Этнографическое обозрение. 1998. № 3. С. 74–89.
- Штернберг Л. Я.** Инородцы: Общий обзор // Формы национального движения в современных государствах: Австро-Венгрия. Россия. Германия. СПб., 1910. С. 531–574.
- Slocum J. W.** Who and When, Were the Inorodtsy? The Evolution of the Category of “Aliens” in Imperial Russia. The Russian Review, 1998, vol. 57, no. 2, p. 173–190.

Список источников

- Декреты Советской власти. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 1. 626 с.; Политиздат, 1973. Т. 6. 584 с.
- Иностранцы и инородцы: Предметно-алфавитный указатель к законоположениям Советской власти за время с октября 1917 по январь 1921 г. Пг.: [Б. и.], 1921. 30 с.
- Словарь Академии Российской. СПб., 1794. Ч. 5. 602 с.
- Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства. 1822–1941 гг.): Сб. док. / Отв. ред. Д. И. Копылов. Тюмень: ИПП «Тюмень», 1994. 320 с.
- Тр. Особого совещания по вопросам образования восточных инородцев / Под ред. А. С. Будиловича. СПб., 1905. 366 с.

References

- Alekseeva L. V.** Severo-Zapadnaya Sibir' v 1917–1941 gg.: politicheskaya, ekonomicheskaya i kul'turnaya transformatsiya [North-Western Siberia in 1917–1941: Political, Economic and Cultural Transformation]. Thesis Doc. Hist. Sci. Yekaterinburg, 2004, 427 p. (in Russ.)
- Bakhrushin S. V.** Sibirskie tuzemtsy pod russkoi vlast'yu do revolyutsii 1917 goda [Natives Siberian under Russian Rule before the 1917 Revolution]. In: Sovetskii Sever. Pervyi sbornik statei [Soviet North. The First Collection of Articles]. Moscow, 1929, p. 66–97. (in Russ.)
- Bobrovnikov V. O.** Chto vyshlo iz proektov sozdaniya v Rossii inorodtsev? (otvet Dzhonu Slocumu iz musul'manskikh okrain imperii) [What Came out of the Projects to Create Aliens in Russia? (Answer to John Slocum from the Muslim Outskirts of the Empire)]. «Ponyatiya o Rossii»: K istoricheskoi semantike imperskogo perioda [“Concepts about Russia”: Towards Historical Semantics of the Imperial Period]. Moscow, 2012, vol. 2, p. 259–291. (in Russ.)

- Dahl V.** Tolkovyĭ slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. St. Petersburg, Moscow, Izdanie M. O. Wolfa, 1881, vol. 2, 779 p.; 1882, vol. 4, 683 p. (in Russ.)
- Grigoryev A. D.** Ustroistvo i zaselenie Moskovskogo trakta v Sibiri s točki zreniya izucheniya russkikh govorov [The Arrangement and Settlement of the Moscow Tract in Siberia from the Point of View of the Study of Russian Dialects]. *Izvestiya Instituta issledovaniya Sibiri* [Proceedings of the Institute for the Study of Siberia]. Tomsk, Izdanie Tomskogo gubernskogo otdeleniya Gosudarstvennogo izdatel'stva, 1921, no. 6, 117 p. (in Russ.)
- Inorodtsy [Aliens]. In: *Sibirskaya Sovetskaya Entsiklopediya* [Siberian Soviet Encyclopedia]. Novosibirsk, 1931, vol. 2, p. 267–269. (in Russ.)
- Ivanov P. G.** Tomskie tatarsy (materialy po obsledovaniyu Tomskikh karagasov letom 1927 g.) [Tomsk Tatars (Materials on Inspection of Tomsk Karagas in the Summer of 1927)]. In: *Trudy Obshchestva izucheniya Tomskogo kraia* [Proceedings of the Society for the Study of the Tomsk Province]. Tomsk, 1927, iss. 1, p. 92–104. (in Russ.)
- Konev A. Y.** Kolonial'nyi diskurs imperskikh klassifikatsii: istoriki o termine «inozemtsy» v otnoshenii narodov Sibiri [The Colonial Discourse of Imperial Classifications: Historians on the Term “Foreigners” Regarding Natives Siberian]. *Istoricheskiye, filosofskiy, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice], 2014, no. 6 (44), pt. 1, p. 81–86. (in Russ.)
- Leonov N. I.** Tuzemnye sovety v taige i tundrach [Native Soviets in Taiga and Tundra]. In: *Sovetskii Sever. Pervyi sbornik statei* [Soviet North. The First Collection of Articles]. Moscow, 1929, p. 219–258. (in Russ.)
- Levin I.** Materialy k politike tsarizma v oblasti pis'mennosti «inorodtsev» [Materials for the Tsarist Policy in the Field of Writing System of “Aliens”]. In: *Kul'tura i pis'mennost' Vostoka* [Culture and Writing System of the East]. Baku, 1930, book 6, p. 3–19. (in Russ.)
- Martynova E. P.** Narody Severo-Zapadnoi Sibiri: definitsii i nauchno-politicheskii diskurs [Peoples of North-Western Siberia: Definitions and Political Science Discourse]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2012, no. 2, p. 13–19. (in Russ.)
- Ogorodnikov V. I.** Oчерк istorii Sibiri do nachala XIX stoletiya [Essay on the History of Siberia Until the Beginning of the 19th Century]. Vladivostok, Tipografiya gosudarstvennogo Dal'nevostochnogo universiteta, 1924, pt. 2, iss. 1, 108 p. (in Russ.)
- Ogorodnikov V. I.** Russkaya gosudarstvennaya vlast' i sibirskie inorodtsy v XVI–XVIII vv. [Russian State Power and Siberian Aliens in the 16th – 18th Centuries]. In: *Sbornik trudov professorov i prepodavatelei Gosudarstvennogo Irkutskogo universiteta* [Proceedings of Professors and Lecturers of the State Irkutsk University]. Irkutsk, 1920, iss. 1, p. 16–27. (in Russ.)
- Perevalova E. V.** Obskie ugry i nentsy Zapadnoi Sibiri: etnichnost' i vlast' [Ob Ugrians and Nenets of Western Siberia: Ethnicity and Power]. Thesis Doc. Hist. Sc. Ekaterinburg, 2017, vol. 1, 515 p. (in Russ.)
- Shternberg L. Y.** Inorodtsy: Obshchii obzor [Aliens : Overview]. In: *Formy natsional'nogo dvizheniya v sovremennykh gosudarstvakh: Avstro-Vengriya. Rossiya. Germaniya* [Forms of the National Movement in Modern States: Austria-Hungary. Russia. Germany]. St. Petersburg, 1910, p. 531–574. (in Russ.)
- Slezkine Yu.** Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North. Moscow, Novoe literaturenoe obozrenie, 2008, 512 p. (in Russ.)
- Slocum J. W.** Who and When, Were the Inorodtsy? The Evolution of the Category of “Aliens” in Imperial Russia. *The Russian Review*, 1998, vol. 57, no. 2, p. 173–190.
- Sokolovsky S. V.** Ponyatie «korennoi narod» v rossiiskoi nauke, politike i zakonodatel'stve [The Concept of “Indigenous People” in Russian Science, Politics and Legislation]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 1998, no. 3, p. 74–89. (in Russ.)
- Zuev A. S., Ignatkin P. S.** «Inozemtsy» – «svoi» i «inye»: ponyatiino-terminologicheskaya klassifikatsiya sotsial'no-politicheskogo statusa sibirskikh aborigenov v Moskovskom gosudarstve

(konets XVI – nachalo XVIII veka) [“Foreigners” – “Their” and “Other”: Terminological Classification for Social and Political Status of Siberian Natives in the Moscow State (End of the 16th – Beginning of the 18th Century)]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2016, vol. 15, no. 8, p. 67–85. (in Russ.)

Sources

- Dekrety Sovetskoi vlasti [Decrees of Soviet Power]. Moscow, Gospolitizdat, 1957, vol. 1, 626 p.; Politizdat, 1973, vol. 6, 584 p. (in Russ.)
- Inostrantsy i inorodtsy: Predmetno-alfavitnyi ukazatel' k zakonopolozheniyam Sovetskoi vlasti za vremya s oktyabrya 1917 po yanvar' 1921 g. [Foreigners and Aliens: Subject-Alphabetical Index to the Laws of Soviet Power During the Period from October 1917 to January 1921]. Petrograd, 1921, 30 p. (in Russ.)
- Slovar' Akademii Rossiiskoi [Dictionary of Academy of Russia]. St. Petersburg, 1794, vol. 5, 602 p. (in Russ.)
- Sud'by narodov Ob'-Irtyskogo Severa (Iz istorii natsional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva. 1822–1941 gg.) [The Fate of the Peoples of the Ob-Irtys North (From the History of Nation-Building. 1822–1941s)]. Collection of Documents. Tyumen, IPP “Tyumen”, 1994, 320 p. (in Russ.)
- Trudy Osobogo soveshchaniya po voprosam obrazovaniya vostochnykh inorodtsev [Proceedings of the Special Council on the Education of Eastern Aliens]. St. Petersburg, 1905, 366 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

*Received
20.06.2019*

Сведения об авторе

Конеv Алексей Юрьевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Федерального исследовательского центра «Тюменский научный центр» Сибирского отделения Российской академии наук (ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625000, Россия)
alDIMOKS@mail.ru

Information about the Author

Aleksei Yu. Konev, Candidate of Historical Sciences, Leading Research Fellow, Federal Research Centre “Tyumen Scientific Center” of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (86 Malygina Str., Tyumen, 625000, Russian Federation)
alDIMOKS@mail.ru